

Часть первая

Глава 1

— Понятно, — сказал Юра. — А как ты мечтаешь умереть?

Я усмехнулся и крутанул руль.

— Что за вопрос? Естественно, в канаве. Русский писатель обязан умереть в канаве. Как Толстой. Как Хлебников, Грин, Платонов.

Юра поморщился.

— Взрослый человек, двадцать один год — и до сих пор хочешь стать писателем?

— Стану обязательно. А потом — помру в канаве. Вонючим грязным бродягой.

— Да, это благородно, — сказал Юра, и его глаза сузились. — И чтобы хоронить тебя приехали дети и внуки на «роллс-ройсах».

— Именно так.

Стояли в небольшой, но плотной утренней пробке, у самого выезда на площадь Восстания, имея с правого борта огромную, в полнеба, гранитную глыбу сталинского высотного дома, а с левого — вереницу граждан, спешащих ко входу в метро. Еще левее тянулся длинный ряд ларьков, переполненных высококачественными и дорогостоящими западными товарами всемирно известных брендов: спирт «Рояль», сигареты «Магна» и так далее. На фоне обычного и вечного цвета моего города — серого всех его

оттенков — яркие глянцевые упаковки и блестящие этикетки словно светились изнутри. Купи и наслаждайся! Отдельно, более солидно — уже не в кривоватых сараюхах, а в магазинчиках с отдельным входом, потребителям предлагались электрические чайники и магнитофоны, а также их гибриды не менее престижных марок: «Мекасоник», «Акайва», «Панашарп»; все пестрело, все призывно мерцало всевозможными разноцветными огоньками, радовало глаз, победительно оттеняло унылый кирпич зданий и сулило немислимые наслаждения в процессе эксплуатации.

Однако обитатели большого города не торопились раскошелиться. Главным образом по причине отсутствия содержимого в кошельках. Обычное дело для тысяча девятьсот девяносто первого года.

Наблюдая обитателей через открытое окно машины (а кто в веселом месяце июне катается по городу с закрытыми окнами?), я очень их жалел. Особенно тех, кто постарше. На их глазах столица всемогущей коммунистической империи с завораживающей, ошеломляющей стремительностью превращалась в город желтого дьявола. То, что пять лет назад беспощадно клеймилось с красных трибун, со страниц книг, с телеэкранов, теперь всю торжествовало, бубнило клаксонами дорогостоящих лимузинов, шелестело рекламными разворотами в газетах, глумилось, звенело монетой, золотозубо ухмылялось, безостановочно ползло; сегодня обнаруживалось там, где еще вчера царила сонная тишина.

Теперь обитатели — девяносто из ста — имели на лицах печать тревоги и недоумения. Сейчас они угрюмо спешили на свои низкооплачиваемые работы.

А мы с Юрой свою уже сделали.

— Еще благородно — издохнуть на тюремной больничке, — продолжил Юра, закуривая. — От тубика или менингита.

— Дохнут животные, — сказал я.

— Бывает и люди дохнут.

Однажды мой друг попался на незначительной афере и год отсидел в Бутырке. Он находился на свободе двадцатый день. Когда он заговорил о больничке, его лицо стало злым и гордым.

Меня, привыкшего жать гашетку до упора, езда в пробке очень утомляла. Что может быть унижительнее, чем непрерывно манипулировать рычагами и педалями и при этом двигаться со скоростью пешехода? Я ведь не пешеход. Пешеходы — вон, бредут, опустив головы, а мы с Юрой льготно полулежим в креслах, расслабив спины и шеи, положив локти на нижние кромки окон, и рассматриваем окружающую действительность с превосходством.

— А как мечтаешь умереть ты?

Юра застеснялся.

— Представь: девяносто лет. Хрен не стоит. И вообще ничего не работает. Дышишь через раз. Пукаешь кефиром. И вот когда понимаешь, что уже — все, незачем дальше портить общий воздух, тогда идешь в самый грязный кабак, в самый простонародный шалман. Заказываешь мяса и водки. Неторопливо ешь. Гоняешь туда-сюда халдея. И тем временем наблюдаешь за соседними столиками. Выбираешь самую стремную компанию самых что ни на есть конченных уродов — и посылаешь их всех на хуй! От души. Конкретно. Членораздельно. Словесно опускаешь. Выписываешь по полной программе. Дальше — махаловка, и тебе суют бутылочную розочку в живот... Скажи, сильно?!

— Сильно, — оценил я, в очередной раз продвигая машину на пару метров. — А назавтра в желтой прессе статьи: «Девяностолетний старик погиб в пьяной драке, которую сам спровоцировал».

Юра подумал и возразил:

— Заголовок — плохой. «Которую» — вредное слово. Лишнее. Заголовки должны быть в телеграфном стиле. Чисто под Хемингуэя. Старик погиб в драке. Точка. Ниже, более мелким шрифтом: «Он сам спровоцировал свою смерть».

— Ты прав.

Юра проучился на факультете журналистики Московского университета полтора года и любил порассуждать на газетные темы. Единственная опубликованная им статья писалась в соавторстве со мной шесть лет назад. Тогда мы оба еще пребывали в статусе пылких девятиклассников, пытающихся как-то дерзнуть по жизни — еще по той, старой жизни при старых порядках.

— Хотя, — продолжил мой лучший друг, закидывая в рот пластинку дорогостоящей жевательной резинки, — я вряд ли доживу до девяности. И вообще до старости. Да и не стремлюсь.

— Боишься старости?

— Нет. После тюрьмы я стал очень спокойный. Ничего не боюсь. Бояться — глупо. Чего ты боишься — то ты создаешь.

— Метафизика.

— Дурак! — со своей обычной мрачной горячностью произнес Юра. — Не метафизика, а объективная реальность, данная нам в ощущениях! Предположим, ты боишься, что тебя посадят в тюрьму. Кстати, извини, что я все время съезжаю на эту тему, на тюрьму, — просто она, сука, постоянно в голове сидит... В общем, ты что-то натворил. И боишься, что тебя посадят. Представил?

— Это легко, — искренне сказал я.

— Ты становишься напряженным. Лицо делается тревожным и злым. Оно привлекает внимание. Менты в метро все чаще проверяют у тебя документы, а если ты едешь на машине — обыскивают машину. Это тебя дополнительно

нервирует и бесит. В разговорах с приятелями ты начинаешь ронять многозначительные фразы типа «не дай бог закроют» и так далее. Слыша такие речи, знакомые тоже напрягаются... Стой!!! Тормози!!!

Я вздрогнул и ударил ногой педаль.

— Смотри, какая девчонка! — азартно выкрикнул Юра. — Тормози! — Дернув ручку, он приоткрыл дверь и попытался встать правой ногой на асфальт, но тут трафик слегка проредился, я тронул нашу железную черепаху дальше и возразил:

— Успокойся. Я тоже ее заметил. Натуральная блондинка с желтой сумочкой. Зачем ты ей нужен? Она спешит на работу или на учебу. Одета прилично — значит, папа с мамой не бедствуют. Или муж подкидывает... Такие ухоженные, как правило, замужем... Или при постоянном мужчине.

— Не факт.

— Спорим?

— С каких пор ты стал специалистом?

— Я полгода как женат.

— Но не на этой блондинке.

— Ты что, не рассмотрел ее глаза? Запавшие, а под ними темные пятна. Явно накануне зажигала в койке как минимум полночи...

— Если ей так хорошо, — запальчиво повысил голос друг, — тогда почему она в девять утра куда-то спешит, а не спит себе до полудня? На хрен нужен такой мужчина, который свою подругу выгоняет утром на работу...

— Может, он ей денег дал. И она спешит их тратить.

Юра задумался и возразил:

— Но не в девять утра.

— Ты хотел рассказать, — напомнил я, — как сделать так, чтобы ничего не бояться.

Юра с сожалением хлопнул дверью, и она задребезжала. Да и вся машина как бы сделала робкую попытку развалиться на составные части. Но не развалилась. Все-таки хороша советская техника, подумал я. Простая и дешевая в эксплуатации.

— Однажды среди твоих знакомых оказывается кто-то близкий к ментам, и вот уже куда следует идет информация, что такой-то — дерганный, подозрительный, весь на нервах. Так ты подсознательно делаешь свой страх реальным. Потом к тебе приходят, закоцывают руки в браслеты, а ты думаешь: «Ах, я предчувствовал»... А на самом деле — не предчувствовал, а создал! Поэтому, — Юра упер взгляд в мой висок, — всегда води себя весело и расслабленно. Генерируй безмятежность! Не бойся. Лучше — мечтай. Любил мечтать?

Я улыбнулся. Университетский жаргон очень забавен. «Любил выпить пива?» «Любил сыграть в регби?» «Любил “Стенку” Алана Паркера?»

— Любил.

— Вот и мечтай.

— О чем?

— О том, что через каких-нибудь пятнадцать лет все вокруг изменится. Люди будут веселы и богаты. И мы в том числе.

Сам он не выглядел мечтателем ни в малейшей степени.

Я не считал его внешность красивой — но по-настоящему запоминающейся, тонкой. Неординарное лицо неординарного человека, лицо с медали, лицо с флорентийской фрески — оно отличалось необыкновенной живостью. Брови то по-мальчишески резко взлетали вверх, то нагружали глазницы, обнажая непреклонность характера, а рот поминутно ломался в гримасе презрения, когда верхний край губы устремляется вверх, поднимая ноздрю, и вдоль

крыла носа пролегает складка, или чаще наоборот, раздвигался в обаятельной улыбке.

Он любил улыбаться.

Гладкие щеки скудно снабжались кровью — я никогда не видел Юру румяным или раскрасневшимся, даже если мы играли в футбол. Впрочем, он не любил футбол.

Как всегда у необычных и сильных людей, выделялись глаза. Глубоко посаженные, иногда прикрываемые тяжеловатыми, с излишком кожи, чуть дряблыми веками, они часто бывали мутными и невыразительными, но в этом угадывалось нечто вроде маскировки; едва их обладатель начинал говорить, они загорались бешеной тысячемагваттной страстью. Взгляд прожигал собеседника насквозь, мгновенно. Он действовал кумулятивно, он валил наповал, и в результате даже самый цвет этих глаз я никогда не мог воспринять объективно. Серые? Зеленые? Голубые? — Бог знает. Они полыхали изнутри всеми красками спектра. Зраки безумца, чья бешеная воля не подавляет тебя, но демонстрирует наличие неких принципиально иных, величайшего накала напряжений и энергетик. Страшные зрительные яблоки гения, очертившего голову. Плающие великою бедой. Глаза титана, глаза полубога — то ли великого негодяя, то ли великого подвижника, — они пробивали дыру в ткани скучной повседневности.

Я умел выдерживать давление его взгляда.

Не только лицо — казалось, каждый мускул его тела непрерывно движется. То сгибается колено, то нога закидывается на ногу, то ладонь барабанит по бедру, то вторая ладонь отмахивает в такт произносимым словам; сигарета то зажигается, то заталкивается в пепельницу, выкуренная едва на треть; голова вертится чуть ли не на триста шестьдесят градусов; пальцы то сжимаются в кулаки, то хрустят, то ловко, звонко щелкают; челюсть терзает жвачку; спина

то распрямляется, то торчит унылым горбом — и все без единой паузы, без малейшей остановки.

Такова была вся его манера жить. Без малейшей остановки.

То же и с голосом. Иногда — особенно по утрам — скрипучий и севший, а в остальное время дня — высокий, хрипловатый, с резкими, почти мальчишескими модуляциями, иногда прыгающий в фальцет, в другие моменты опускающийся в многозначительный баритончик — голос звучал всякую секунду времени по-разному; клоунада мгновенно превращалась в трагический манифест и наоборот; грусть мешалась с издевкой, поэтическая печаль — с демонстративным, болезненным хамством.

Его рост превышал метр восемьдесят пять. Фигура — редкого атлетического типа, когда плечи безразмерны и жилисты, руки длиннейшие, мосластые, ключицы рельефны; шея длинная, но и очевидно крепкая; углом там торчал дерзкий кадык, иногда резво путешествующий вверх и вниз; отдельно выделялись, справа и слева, края шейных мышц, взбегающих к небольшим, аккуратно вылепленным ушным раковинам.

Длинноногий, узкий в поясе, он сейчас, в свои неполные двадцать два, олицетворял собой природную, взрывную силу, хранящуюся не в мускулах, не в каменных бицепсах, а в сухожилиях и нервах. Такие люди, может быть, и не умеют выжать рекордный вес в спортивном зале, но врага своего в решающий момент всегда поднимут над головой и грянут оземь.

Особый шарм его облику придавали кисти рук. Рожденный от инженера и университетской преподавательницы, он унаследовал изящнейшие интеллигентские запястья, узкие ладони и длинные, очень белые и худые пальцы. Ими бы ударять по клавишам «Стейнвея» или зажимать лады

на «Гибсоне», такими вот мизинцами и указательными, где сквозь прозрачную кожу светятся, едва уловимо, фиолетовые, тонкие кости.

Он, смешно, комплексовал насчет своих рук и несколько раз признавался мне, что желал бы иметь полноценные боксерские кулачища, здоровые и грубые, эдакие пивные кружки, волосатые лапы записного мачо, а вот поди ж ты — достались от папы с мамой консерваторские паучьи лапки...

Впрочем, обязательно добавлял он, в драке маленький кулак тоже неплох. Больнее режется в висок соперника.

Точно такой же комплекс мучил его насчет нижней челюсти. Она действительно могла показаться внимательному наблюдателю немного узковатой, и лицо в результате наминало треугольник. Чтобы ликвидировать недостаток, мой друг непрерывно жевал резинку. По-моему, напрасно: все недочеты компенсировались рельефными скулами, идеальным римским носом и небольшим сухим ртом с опущенными вниз углами губ.

— Тормози, — опять сказал Юра и встревоженно заерзал на сиденье. — Ты что, не видишь? Мент махнул нам рукой.

— Его проблемы, — ответил я, продолжая давить педали, продолжая продвигать наш поскрипывающий и погромыхивающий агрегат от устья площади к выезду на Садовое кольцо. — Что значит «махнул рукой?» Если бы офицер милиции захотел меня остановить, он бы свистнул в свисток и сделал отмашку жезлом, после чего этим же жезлом указал бы мне место для парковки... Надо знать правила.

— Каким жезлом?! — воскликнул Юра. — Какие правила? Ты что, на Луне живешь? Или в Москве? Соберись и очнись! Мы попали!

Я и сам понял, что мы — попали. Действительно, инспектор махнул рукой. И я это заметил. И он заметил, что

я заметил. Однако я предпочел убедить себя, что ничего не случилось.

Моя, наша с Юрой (объективно говоря, на сто процентов Юрина), машина не являлась эталоном транспортного средства. В частности, отсутствовал задний номерной знак, не работал ручной тормоз, не функционировали фары ближнего света (кстати, и дальнего тоже), и габаритные огни, и фонарь заднего хода, и люфт на рулевом колесе превышал норму в пять или десять раз, и тормозной путь оставлял желать лучшего, и износ покрышек стремился к критической отметке, да и внешний вид хромал, учитывая царапины и вмятины справа и слева, на носу и на корме, — в общем, мы были те еще парни на том еще авто. Общение с инспектором не сулило нам радостей.

— Тормози, — повторил Юра. — Выходи и чего-нибудь скажи. Денег дай, и дальше поедem.

— У меня нет денег, ты же знаешь.

— Ты этим гордишься, да? — презрительно улыбнулся друг. — Деньги — у меня возьмешь. Иди, договаривайся...

Уязвленный ударом в самое больное место, я с неохотой остановил экипаж и вышел в ревущую, гудящую, утреннюю, гулкую, неуютную улицу. Сжимая в кармане стопку документов, двинулся навстречу судьбе. С той стороны судьбы в мою сторону шагал, энергично тараня пространство мощным животом, офицер Государственной автомобильной инспекции в чине то ли майора, то ли аж подполковника, — от волнения я не смог сосчитать точное количество звезд на его засаленных погонах, к тому же они были пришиты немного криво. Немного завалены назад. Когда-то у нас в казарме такие погоны старший прапорщик Олефиренко лично отрывал «с мясом».

— Ты чего, а? — выкрикнул майор, то ли аж подполковник, тут же добавив несколько очень крепких слов. — Ты

чего — вообще, а? Ты чего, не видел, как я тебе скомандовал, а?

Я не люблю хамов с детства и оскорблений никому не прощаю, даже людям в мундирах. Я разозлился и прямо сказал:

— Пошел ты на хуй! Чего орешь? Вот моя машина. Вот мои документы. Не ори.

Красная физиономия служивого — я годился ему в сыновья — вмиг набрякла, потом провисла, потом окаменела, потом налилась коричневой державной кровью, вплотную приблизившись по цвету к Кремлевской стене.

— Стоять на месте!!! — заорал он хриплым басом и жирной пятерней сильно толкнул меня в грудь. — Машину к осмотру!!!

— Пошел ты на хуй, — повторил я громко. — Вот мои документы, вот моя машина, вот я сам. Делай, чего тебе надо.

Дядька в погонах, петлицах, нашивках и значках, в сизом мундире и фуражке с изящно изогнутой тульей и замысловатой кокардой рассвирепел, схватил меня за воротник рубахи, рванул и ударил коленом в пах. Хотел пробить по яйцам. Но, ребята, мои яйца еще никто никогда не пробил, не родился такой, ни среди милицейских майоров, ни среди прочих слоев населения. Страж порядка повторил попытку, и еще раз — безрезультатно.

Сам я родился и вырос типичным холериком — такая психика, ничего не поделаешь. К тому же последний, послеармейский, год моей жизни прошел под знаком тотального безденежья. Я превратился в угрюмого малого с постоянно напряженными нервами и голодными резами в желудке.

Не далее как сегодня утром я застал свою жену тихо плачущей на кухне: спросонья разбила куриное яйцо, единственную и последнюю съестную субстанцию в доме,

и сидела, в одних трусах, на табурете, поджав к груди колени и уткнувшись в них мокрыми глазами. Закрывая за собой входную дверь (жене сказал «пошел на работу»; куда пошел? на какую работу?) — я сам едва не разрыдался. Недоедание способствует не только остроте мысли, но и остроте чувств. Именно теперь, летом девяносто первого года, в девять часов утра, под нависающим циклопическим утюгом сталинского билдинга — все дошло до края, до кризиса, и я стал орать что-то матерное прямо в лицо офицеру. Одновременно не забывая отражать ногами его удары. Руки держал опущенными вдоль туловища. Сдачи дать нельзя. Посадят.

В паре метров от нас дожидалась зеленого светофорного сигнала вереница машин, в том числе огромный грузовик, окутанный клубами черно-сизого выхлопа. В открытом окне его кабины маячила рябая морщинистая физиономия. Поймав ее взглядом, майор надсадно выкрикнул:

— Чего смотришь?! Помоги задержать опасного преступника!

О ком это он, подумал я.

Водила неохотно вылез — промасленный, угловатый, правая рука белая, левая — коричневая. Шоферский загар. Едва он — без особой, кстати, спешки — направился к месту задержания, как мне подоспела подмога. Возникший сбоку Юра атаковал несчастного сначала криком — «чего лезешь? чего суешься? а ну пошел отсюда!», — а затем длинной своей ногой отвесил бедняге мощный пинок.

В отличие от меня, облаченного в застиранные портки типичного охламона-лузера, Юра имел на себе белоснежный и невыносимо дорогостоящий спортивный костюм, руку отягощали золотые часы. Промасленный опознал хозяина жизни не только в служивом майоре, но и в моем друге, резко стушевался и отступил под защиту огромных задних колес собственной машины.

Тут в поле моего зрения впрыгнули еще не менее пяти фигур в форме. Проезжающий мимо патрульный экипаж обнаружил непотребную потасовку и принял решение пресечь. Вместо одного громко сопящего майора против меня выступило аж трое. Я немедленно скис. Меня ухватили под локти, пнули коленом в живот, сломали в поясе и навешали по физиономии.

Как обычно, самым болезненным прошел первый удар. Голова загудела, глаза на миг ослепли. Плюс — кратчайшая, кинжальная молния сильнейшего гнева. В такой момент животное, не мешкая, бросается в ответную атаку. Человек же — если он умный — наоборот, хитрит и медлит.

Ментовская кулачная агрессия показалась мне внешне акцентированной, на деле же — слабоватой. Погружающиеся в мою плоть натруженные кулаки пятидесятилетних служивых мужиков не нанесли особого ущерба. Перегруженные салом, неловкие, они не умели врезать всерьез, с разворота; не умели и попасть точно. Подбородок, виски и нос я уберег. Прошло везде мимо, вскользь. Моя проблема состояла только в том, что я не мог ответить.

Очень хотелось ответить, по бедрам и по ребрам, с левой и с правой, на максимальной амплитуде, по грудинам, в горла и челюсти, потом провести бросок, уложить заплывшего жиром чудака на горячий асфальт, зажать болевым приемом, с захватом ноги или шеи...

Наградив мою морду серией тычков, а зад — серией пинков, они споро поволокли меня к машине. Юру уже грузили на заднее сиденье. Запихивали деловито, словно мешок картошки. А когда втрамбовали внутрь — один из офицеров, самый толстозадый, придерживая рукой открытую дверь, несколько раз крепко саданул сапогом прямо в лицо правонарушителю.

Снаружи это выглядело жутко. Когда оно идет сапогом в лицо — это всегда жутко. Подошва ялового офицерского сапога тверда, а каблук, как правило, оснащен стальной подковой толщиной в монету. Херово, ребята, получить в торец таким армированным сталью каблуком. По лицу Юры хлынуло ярко-алое, но мой друг зачем-то решил оскалить зубы в кошмарной саркастической улыбке, — она сверкнула столь бешено и нагло, что каблук начальника, почти коснувшийся было земли, еще раз врезался прямо в ее центр.

Вылетела красная густая слюна.

Окрест места схватки рычали, гудели, дымились десятки самодвижущихся механизмов, грузовых и легковых. Многие сотни глаз наблюдали процесс задержания двух дерзких злодеев. Злодеи — красные, вспотевшие, в задравшихся надорванных шмотках, с окровавленными носами и кривыми разбитыми ртами, выкрикивали в пространство нечленораздельные проклятия и протесты, сплевывали на мостовую жидким и багровым, матерились, протестовали и дико вращали глазами. Сторонние же наблюдатели — водители машин, а также прохожие — помалкивали. Наслаждались и впитывали впечатления.

Уже горел зеленый сигнал светофора, а железная змея из нескольких десятков больших и маленьких агрегатов не двигалась: шоферыги глазели на то, как менты вяжут бандитов. Такие жадно, масляно блестящие, расширенные зрачки всегда можно увидеть в цирке, когда полуголая дрессировщица в ярчайшем вульгарном макияже тонким хлыстом укрощает облезлых тигров, страдающих от хронического недоедания.

Видит Бог — я никогда не мнил себя тигром. Какой я, на хрен, тигр? Но меня укротили, как того тигра. Деловито, сурово, демонстрируя хорошо отработанный навык.

...Отделение милиции — кто не знает — располагается тут же, в ста метрах от перекрестка.

Подъехали. Я и Юра сидели на заднем сиденье. Сопели и подбирали ладонями кровавые сопли. Спустя минуту позади нас взревело знакомым тоном — пригнали, следом за нами, нашу машину. Из обшарпанной двери кутузки неторопливо вышли несколько линейных милиционеров в форменных кепах, с потертыми автоматами. Приблизились, изучили глазами задержанных маргиналов, вяло обменялись нецензурными междометиями, повздыхали, поплевали себе под ноги. Спокойные, немногословные флегматики, с вескими жестами и равнодушными, всегда направленными в сторону взглядами.

Я давно заметил, что половина ментов моего города — флегматики. Устойчивые, малоэмоциональные люди. Безусловно, в правоохранительной системе, как в любой другой сложной системе, выживают и торжествуют именно флегматики. Спокойные, философски настроенные особи, с медленным обменом веществ, с железобетонными задницами, животами размером с подушку и бронебойными розовато-белесыми физиономиями.

Мирно сопя, флегматики вытащили меня из машины. Один пробормотал рекомендации: вести себя спокойно, стоять смирно, дышать по команде. Второй ударил по моему запястью сложенным вдвое браслетом, и тот разложился, щелкнул, врезался в кожу.

Ну вот и тебя закопали. Вот и ты сподобился. Сын учителя физики и учительницы русской литературы, брат учительницы русского языка, внук директора школы, книжный червячок, поклонник Гребенщикова* и «Роллингов», ценитель Фолкнера и Кобо Абэ, любитель побренькать на гитаре, посочинять ночами стишки, постучать по клавишам печатной машинки, прилежный студент, автор пятидесяти публикаций в пяти газетах и журналах, рядовой запаса — мрачно

* Внесен в реестр иностранных агентов.

поспешает за деловитым, пахнущим гуталином милицейским старшиной, пристегнутый к нему особым стальным механизмом, изобретенным много тысяч лет назад.

Мне заломили руку, я согнулся. Успел увидеть молодую женщину, держащую за руку маленького мальчика в крошечных джинсиках и курточке с аппликациями — то ли львята, то ли медведики, розовый кулачок сжимает нитку, а над коротко стриженной крошечной головой, удерживаемый ниткой, парит воздушный шарик, ярко-желтый; почти такой же яркий и желтый, как июньское солнце, щедро одаривающее теплом и светом всех без разбора — и меня, дурака, и конвоира в серо-сизой форме, и самого мальчика, смотрящего на происходящее широко раскрытыми смысленными глазенками.

Вдруг подсознание подвело меня. Открылись, доселе более или менее надежно запертые снаружи, страшные люки, выскочили волосатые хохочущие демоны, заплясали вокруг — кривлялись, корчили рожи, тыкали кривыми нечистыми пальцами, вертели омерзительными тощими задницами:

— Ишь ты, какой чувствительный! Сидел бы дома, кропал статейки! Зачем связался с опасным человеком?

— Он не опасный. Он настоящий. А вы всего лишь отрыжка из мозговых глубин.

Бесы словно не расслышали. Плевались ледяной слюной, улюлюкали, продолжали вопить:

— Тебя посадят! Посадят тебя, посадят! Ай, посадят! Еще как посадят! Посадят, посадят, посадят! Закроют, арестуют, упрячут! Повяжут, сгноят, по этапу отправят, клифт лагерный наденут!..

Пришлось прямо послать распоясавшихся бесплотных придурков по известному адресу. Сгинули послушно, но неохотно. Свои, давно знакомые бесы. Сходить бы в храм, изгнать, да боязно: эти смирные, наивные, хорошо изученные,

я к ним привык, выгонишь — а вдруг взамен старых выскочат обитатели самых дальних омутов разума, мне совсем неизвестные, а оттого втройне страшные?

Уже в дверях кутузки я услышал за спиной звонкий голос той самой женщины с ребенком и шариком:

— Простите, как нам пройти в зоопарк?

— Сто метров прямо по улице, — густым баритоном выкрикнул шедший последним мент, толкнул меня в спину и тоном ниже посоветовал: — Шевели поршнями.

В участке царила тишина.

— Вынимайте все из карманов.

Юра — в отличие от меня, он широко улыбался — снял часы, бросил на стол паспорт, сигареты, связку ключей, толстую пачку сложенных пополам купюр. Я положил только документы. Никакая другая собственность меня не отягощала.

— Остальное, — мирно потребовал старшина.

— Отсутствует.

Для вящей наглядности я вывернул карманы, испытал при этом особое босяцкое удовольствие.

Закрыли в клетку — честной народ правильно именует ее «обезьянником». Едва лязгнул замок, как движения Юры неуловимо изменились, приобрели утрированно-уголовную грацию: ноги чуть согнулись, зад слегка отъехал, локти раздвинулись в стороны. Сопя и шаркая ногами, он прошелся взад и вперед, сел на лавку, дождался, пока дежурный удалится, и тихо спросил меня:

— Что будешь говорить?

— В смысле?

— Сейчас к дознавателю поведут. Что будешь говорить?

— А что надо говорить?

Друг перешел на шепот:

— Правду! — Он подмигнул. — А правда будет такая: мы знаем друг друга много лет — вместе росли в одном

городе — вместе поступали в университет — потом дороги наши разошлись — сегодня утром я позвонил тебе — сказал, что купил машину, а прав не имею, и попросил тебя покатасть меня по моим делам — что за дела, не знаешь, куда ездили — не помнишь, потому что Москву знаешь плохо... Сам журналист, зарабатываешь статьями в газетах. Это ведь так?

— Почти.

— Забудь это слово, оно для протокола неудобное... Понял, какая правда?

— Понял. Она в том, что я добропорядочный.

Юра серьезно покивал.

— Ништяк. Остальное я сам исполню, потому что у меня больше опыта. А ты — упирай на свою добропорядочность.

— Упру.

Неправды в речах Юры содержалось не более десяти процентов. Уже несколько месяцев я не писал ни статей, ни очерков, ни репортажей. Нигде никто за это не платил. Охотно брали и печатали, в том числе уважаемые столичные газеты и журналы, — но никто не платил. Хвалили, жали руку, просили еще — но никто не платил. Уважали, давали дельные советы, подсказывали интересные темы, делились сплетнями — но никто, блядь, не платил. И я решил искать другую профессию.

Своего друга Юру я возил по городу не с сегодняшнего утра, а уже три недели. С того самого дня, как он вышел из Бутырки.

Вдруг он заскучал, уронил голову на руки, запустил пальцы в волосы и глухо простонал:

— Ах, как неохота... Ей-богу, так туда неохота — обратно... Правду говорят: первый раз туда идти не страшно, страшно — во второй... Знаешь, как неохота?..

— Сам говорил — бояться не надо.

— Да не боюсь я. Неохота, понимаешь? И кстати, ты прав. Нечего сопли жевать...

Он встал, сильно пнул ногой решетчатую дверь и громко, с кошмарными заискивающими интонациями, завопил:

— Слышь, старшенький! На два слова!

Появился, вразвалку шагая, недовольный дежурный.

— Чего тебе?

— Бумагу, ручку давай. Заяву писать буду.

— На тему?

— А что, сам не видишь? — Юра показал пальцем на собственный разбитый нос. — Телесные повреждения! Где эти, которые нас повязали? Я, конечно, все понимаю, но сапогами по лицу — согласись, старшой, это перебор. Я вам что, мальчик, что ли? Зови врача. Побои снимать будем. Если со мной по-плохому — я тоже буду по-плохому. Давай ручку, бумагу.

— Угомонись, — вяло сказал дежурный, глядя мимо. Потом он повернулся и двинулся прочь. — Скоро все будет.

— Старшенький, — вторично крикнул Юра в удаляющуюся сизую спину, — в туалет выведи!

— Скоро все будет! — не оборачиваясь, громко повторил мент и исчез.

Но он наврал: до конца дня так ничего и не произошло. Дознаватели, следователи и прочие начальники не пожелали нами заниматься. Изнывая от скуки, голода и неизвестности, мы просидели в клетке много часов. Очевидно, злой майор из автоинспекции отдал на наш счет распоряжение типа: «Пусть денек посидят и подумают о своем поведении». Не исключено также, что свою роль сыграло желание Юры написать клязу относительно разбитых носов и губ. Так или иначе, для нас все обошлось без последствий. Периодически подсаживали других задержанных, в основной массе — нетрезвых мужчин средних лет. Но мы с Юрой

не уважали алкоголиков и клошаров и в разговоры с ними не вступали.

В семь, в восьмом часу вечера, нас отпустили с миром.

Машина оказалась в целости.

— Высади меня где-нибудь на Новом Арбате, — попросил Юра. — Я куплю пива и возьму такси. Хочу съездить в гости к Иванову.

Я разозлился.

— Лучше заплати мне то, что собираешься заплатить таксисту. Я сам отвезу тебя к Иванову, а потом домой.

Юра вдруг тоже разгневался и более того — исполнил презрительную мину.

— Ты не будь халдеем и извозчиком. Ты будь серьезным человеком.

С этими словами он достал деньги, отслюнявил несколько купюр среднего достоинства, протянул мне.

— Отдашь с прихода.

Я шмыгнул носом.

Вдруг этот дьявол рассмеялся и хлопнул меня по плечу, очень крепко.

— Деньги будут, не волнуйся. Вопрос одного-двух дней. После тюрьмы я стал очень умный. Я всегда знаю, где и как взять деньги. Большое дело сделаем — и они будут обязательно. Будь уверен. Езжай домой. А по дороге помечтай о чем-нибудь хорошем. Дома — лед к губе приложи, иначе за ночь распухнет...

— Что будем делать завтра?

Друг отвел глаза в сторону и задумался, потом улыбнулся.

— В музей пойдем. Любил сходить в музей?

Глава 2

Мне нравится, что я женат. И всегда нравилось.

Я женился, когда пришло время. Наличие жены как таковой придавало мне веса в собственных глазах. Забежав вместе с другом Юрой каким-нибудь вечером в гости к тому или иному сверстнику-приятелю, я всегда имел возможность с добрым сарказмом пронаблюдать, как после нескольких доз выпитого, часам ближе к восьми, начинается бесконечный процесс звонков нежным подругам, невестам, а чаще всего — блядам. С кем провести ночь? Куда вставить свое молодое и твердое? Как правило, поиски увенчивались успехом. Считалось, что я должен завидовать. Мол, скован узами брака, всякий вечер обязан спешить домой, а мы тут меняем женщин как перчатки, чередуем школьниц с продавщицами и делимся захватывающими подробностями. На самом деле наоборот — все завидовали именно мне, хладнокровно покидающему всякую веселую компанию ровно за полчаса до того, как будут постелены простыни и начнется самое интересное.

И действительно, завидовали. Часто — уже в сугубо мужском коллективе — уважительно вздыхали: тебе хорошо, ты женат. Я соглашался. Да, мне хорошо. Объективно. Я не только научился выживать в большом городе, не только прослушал курс наук у лучших в мире профессоров, не только мог себе позволить жить в отдельной

квартире. Нет, я поднялся выше еще на ступень, я женился. Я серьезный, а вы — шалопаи. Однажды я поеду к жене, а вы — в венерологический диспансер.

Иногда сверстники-приятели проявляли бестактность и намекали, что женитьба — еще не повод к моногамии. Я презрительно посмеивался.

Если говорить о нежных подругах — а хоть и о блядах тоже, — даже самую покладистую и нетребовательную деваху нужно как минимум проужинать и протанцевать, прежде чем приступить непосредственно к делу. Надо включать кавалера, рассказывать что-нибудь интересное и разворачивать хвост веером. Я же как-то не умел веером. Предаваясь со своей самой первой, еще школьной, дамой сердца всяким позволительным для девятиклассников шалостям, я однажды изобрел такое ноу-хау: ключевые слова анекдотов и смешных историй записывал авторучкой на ладони. В нужный момент украдкой бросал взгляд и восклицал: «А вот еще был случай!..»

Один такой спич имел большой успех. Как ловят мартышек на острове Борнео? В высушенной и пустой тылке проделывают дыру, насыпают вкусных семечек и оставляют в лесу. Мартышка запускает руку в отверстие, сжимает семечки в кулаке, а кулак обратно вытащить уже не может. С другой стороны, разжать жменю и выпустить из руки еду мартышке жалко. Тут ее и вяжут... Смешно и с подтекстом.

А как же? Девочку надо развлекать.

Я ненавидел это все. Клоун я, что ли?

Травить анекдоты и грузить собеседницам уши я так и не научился. Это казалось мне ненужным и даже слегка унижительным. Однажды с трудом пройдя всю процедуру романа с собственной женой, тогда еще подругой, — от конфетно-букетного периода до альковного — я этим ограничился. Зачем мне много женщин? И одной-единственной бывает слишком много.

Кроме того, я женился, потому что мне было страшно одному. Жить в одиночестве — для меня значило быстро превратиться в отчаянного, забубенного бретера, которому нечего терять. Жить одному — значило однажды упиться до ступора и разбить себе висок об угол стола. Или задохнуться в астматическом приступе. Или дожидаться какой-нибудь особенно темной полночью «гостей», готовых изувечить любого и всякого ради поношенной кожаной куртки и ста долларов. Жизнь одиночки только внешне выглядит красиво: захотел — выпил, захотел — женщину привел; изнутри же там плохо, страшно; человек не может быть один, потому что тогда его начинает пожирать его собственное подсознание.

Кроме того, я женился не просто так, а по любви, и это мне отдельный плюс.

Так я, репетируя возвышенный спич в адрес собственной супруги, в девять вечера возвращался домой. Небеса сулили дождь — набухли черно-фиолетовым пронзительно яркого тона. Воздух звенел. Казалось, швырни вверх камешек — и лопнет, треснет, рухнет.

Бывают в начале московского лета такие моменты, когда и непогода в радость человеку; он запрокидывает голову, смотрит, как собирается гроза, и улыбается. И думает: эх, как оно сейчас долбанет! Ну и потеха будет!

Ливень обрушился, и такой силы, что спустя минуту после того, как упали первые капли (самые увесистые, не капли — ядра), я уже вынужденно остановил машину у обочины. Лучше переждать. Изношенная резина могла подвести на мокрой дороге.

Кстати, где взять денег на новую резину? И на бензин? И квартирным хозяевам? И на еду? И на новые туфли жене? И на новые штаны для себя лично? Опять одолжить у Юры? В счет будущего прихода? А нужны ли мне такие приходы?

Я нахожусь возле своего друга уже двадцать дней и досконально знаю все подробности его жизни. А иногда и соучаствую. Например, помогаю вынести вещички из квартиры, в которой Юра явно не живет. Если так пойдет дальше, дорога мне — туда же, откуда мой закадычный приятель не так давно вышел.

Ладно, сказал я себе, очень твердо, об этом не следует думать. Чего ты боишься — то ты создаешь. Деньги — найдутся. Юра сказал, что все будет делать сам, а мое дело — крутить баранку. Быть на подхвате. Обеспечивать тыл и полную исправность нашей тачки. А как поднимем хорошие деньги — займемся чем-нибудь легальным. Каким-либо бизнесом или как там это теперь называется...

От невеселых раздумий, одолевающих меня ежедневно по десять раз, отвлек стук по оконному стеклу. Защищая голову от льющейся с неба воды газетой, на меня смотрел, стеснительно улыбаясь, пожилой человек в пиджачной паре и съехавшем набок галстуке, напоминающем о героических временах виниловых пластинок. Импровизированный бумажный зонт его не спасал.

Я приоткрыл дверь. Старик с недоверием оглядел мою морду, понемногу начинающую опухать (мне досталось по скуле, по губам и под правый глаз).

— Молодой человек, доведите до метро!

Неожиданно мой желудок устроил бунт. Не выдержав пустоты внутри себя, он сотрясся, судорога прошла вдоль, или поперек, или по диагонали, Бог разберет, — заныло, потянуло, тухло сыграло, скрутило в узел, и омерзительный вращающийся горько-кислый шарик поднялся к самому горлу. Поморщившись и засопев, я поднес руку к губам, словно первокурсница, впервые в жизни опрокинувшая стопку водки. Все длилось не более секунды, но седой оказался

внимательным наблюдателем, принял кислую мину на свой счет и собрался ретироваться.

— Садитесь! — поспешно выкрикнул я, вдруг пожалев промокшего бедолагу.

Тот влез, шумно и неловко. Сразу стало ясно — человек ездит в автомобиле далеко не каждый день. Юра — тот впрыгивал в салон, словно в собственную постель. Быстро и с громкими удовлетворенными придыханиями.

— Ну и водопад! — воскликнул старик, вытирая лицо квадратной ладонью. — А сколько надо денег?

Его совершенно мокрые волосы прилипли к затылку, ко лбу, к вискам, и я смог рассмотреть череп: массивный, правильной формы. Комфортабельное вместилище серого вещества. Такие несокрушимые затылки и крутые лбы можно увидеть на парадных портретах сталинских маршалов. Я вторично проникся к незнакомцу симпатией и сказал:

— До метро метров триста по прямой. Сейчас ливень утихнет — и поедем.

Влага хлестала с такой силой, что я не рисковал даже открыть форточку. Под ударами тяжелых струй крыша гудела, как барабан.

Какое-то время сидели молча. Смотрели, как запотевают стекла. От седого шел слабый запах плохого алкоголя.

— Хорошая машина, — сказал он, оглядываясь. — Я так и не собрался купить себе такую. Мечтал, мечтал — да так и не собрался...

— А чего мечтать? — небрежно возразил я. — Пошел да купил.

Старик грустно улыбнулся. С кончика его носа капало.

— Не то чтобы мечтал, — уточнил он. — Мечтать о железках, конечно, глупо. Но приобрести — хотел...

Сильный ливень недолог. Не прошло и нескольких минут, как хляби небесные истошились. Я тронулся, несколькими толчками по педали просушил тормоза и спросил:

— О чем же мечтать не глупо?

— О чем-нибудь важном. О серьезном... Где-то так.

— Например?

Старец задумался, и я задал наводящий вопрос:

— Лично вы — о чем мечтаете?

— Я, сынок, свое отмечал. Мне скоро семьдесят.

— А когда были моложе?

— Ни о чем особенном не мечтал. Зачем мечтать? У меня было все. Работа, дом, деньги. Жена, дети, друзья. Я прожил счастливую жизнь. Все мои мечты сбылись раз десять. Где-то так. Ну, мечтал, конечно — чтобы не было войны, чтоб все были живы и здоровы...

— Не то, — перебил я. — Неужели жили без какой-то тайной идеи?

— Вспомнил! — Старик еще раз убрал со лба воду и засмеялся скрипучим смехом. — Была мечта, да. Была.

— Расскажите.

— Не получится. Это было давно. В молодости. Началось лет в тридцать — и сидело в голове до пятидесяти, где-то так.

— И все-таки.

— Да ну его. Ерунда это все.

— Как хотите.

Старик засмеялся.

— Расскажу, конечно. Мечта моя была — три жилы.

— Как?

— Три жилы! — хитро шурясь, повторил седой. — Я всю жизнь был инженером. Корабли строил. Точнее, проектировал. Чертежи чертил. Одной зарплатой, в тридцать пять лет, имел триста рублей. Попутно написал кандидатскую.